

УДК 331.1
ББК 63.3(2)613

Бородкин Леонид Иосифович

доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН,
зав. кафедрой исторической информатики
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, 19192, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4,
borodkin@hist.msu.ru

**ДИНАМИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ГОДЫ НЭПА: НОВЫЕ ОЦЕНКИ¹**

Borodkin, Leonid Iosifovich

Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member RAS, head Department of
Historical Informatics Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
Moscow, 19192, Lomonosovsky prospect, 27, building 4
borodkin@hist.msu.ru

**DYNAMICS OF URBAN POPULATION LIVING STANDARDS IN THE
YEARS OF THE NEP: NEW ESTIMATES**

Аннотация. Вопрос о динамике уровня жизни городского населения в годы нэпа не получил до сих пор достаточно обоснованных оценок. Недавние публикации зарубежных исследователей дают существенно более высокие (в сравнении с отечественными) оценки зарплаты промышленных рабочих в 1920-х гг. В данной работе акцент сделан на исследовании динамики реальной зарплаты работников текстильной промышленности второй половины 1920-х гг. и ее дифференциации. Показано, что реальная зарплата в текстильной отрасли в эти годы снижалась, а степень неравенства в оплате труда была ниже, чем в дореволюционной Росси

Ключевые слова: новая экономическая политика, «Великий перелом», текстильная промышленность, номинальная зарплата, реальная зарплата, инфляция, дифференциация оплаты труда, рабочие, служащие, гендерный аспект дифференциации

¹ Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 21-18-00509

Введение

Драматичные события в Советской России конца 1920-х гг. («Великий перелом») имели целый ряд причин и последствий в политической, экономической, социальной сферах жизни общества. До сих пор не все из них изучены в должной степени. Один из социально-экономических аспектов новой экономической политики, требующих конкретно-исторических исследований, связан с материальным положением жителей городов, изменениями в их реальной заработной плате, с государственным регулированием цен, политикой в области оплаты труда в советской промышленности. В данной статье эти вопросы рассматриваются в контексте анализа динамики реальной зарплаты московских текстильщиков в конце 1927-1930 гг. Именно зимой 1927/28 г. разразился очередной кризис нэпа, подтолкнувший политику «социалистической индустриализации» и обозначивший приближение «великого перелома». В целом историография исходит из того, что к 1927 г. в большинстве отраслей народного хозяйства был достигнут довоенный уровень производства; это относится и к основным показателям уровня жизни населения.

Радикальный пересмотр принятой в историографии оценки динамики уровня жизни горожан в Советской России 20-х гг. предпринят в недавней работе, опубликованной в журнале «Explorations in Economic History» [1]. В статье анализируется динамика реальной зарплаты рабочих, занятых в строительстве и крупной промышленности в Петербурге/Ленинграде, Москве и Курске. Для позднеимперского периода и периода нэпа авторы предлагают новые ряды цен, составленные по данным из архивных и опубликованных источников, что приводит их к радикальной переоценке принятых ранее показателей инфляции. Как отмечается в статье, уровень жизни в России мало вырос в течение 60 лет - с 1853 по 1913 гг., но увеличился вдвое с 1913 по 1928 гг. вследствие политики обменных курсов, цен и занятости, проводившейся властью. В период с 1928 по 1937 гг. реальная заработная

плата, по расчетам авторов, упала до довоенного уровня вследствие перераспределения средств в пользу выполнения пятилетних планов.

О росте благосостояния говорилось и в материалах сборника, посвященного итогам выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, изданного Госпланом: «в течение 1928-1932 гг. происходил неуклонный подъем уровня заработной платы пролетариата», «резко возрос уровень материального и культурного благосостояния трудящихся масс» [2]. Таблицы, представленные в этом сборнике, показывают, например, что зарплата рабочих хлопчатобумажной промышленности выросла в течение 1928-1932 гг. на 43,4%. До сих пор, однако, корректные расчеты динамики *реальной* заработной платы рабочих в эти годы не проводились. Происходил ли в действительности ее «неуклонный подъем»? Не менее важным является вопрос о степени дифференциации заработной платы промышленных рабочих в эти годы.

Кризисные явления конца 20-х гг.

Как отмечает Ю.М.Голанд, напряженная обстановка, возникшая в стране летом 1927 г. под воздействием внешних и внутренних факторов, вызвала явное беспокойство среди населения. Возник ажиотажный спрос, обострился товарный голод как на продовольственные, так и на промышленные товары. Под влиянием слухов о приближающейся войне население бросилось закупать впрок продовольствие [3, с.59]. Усилившийся рост инфляции в эти месяцы Ю.М. Голанд связывает также со значительным расширением капитального строительства в IV квартале, неэффективностью и удорожанием строительства [3, с. 61-62]. В более общем плане можно говорить о результатах реализации идеи инфляционного финансирования роста промышленности.

Ценные сведения об углублении с 1927 г. продовольственной проблемы в рабочих районах страны, нараставшем дефиците товаров, порожденном им спекуляцией и росте цен содержат информационные обзоры

и сводки ОГПУ конца 20-х гг. В структуру ежемесячных обзоров включается раздел «Настроение рабочих в связи с перебоями в снабжении хлебом». Декабрьский 1929 г. обзор ОГПУ показывает, что хотя снабжение городов хлебом и мясом производилось по твердым ценам, перебои в снабжении другими видами продовольствия и промтоварами продолжались, соответственно росли и цены на частном рынке, что «вызывало у рабочих *тревогу за сохранение реальной зарплаты*» [4, с. 567] (курсив мой – Л.Б.).

В этих условиях государство было вынуждено выпустить из рук контроль сначала за частноторговыми розничными ценами, а затем и за ценами кооперативной торговли. Диспропорции на потребительском рынке обострялись постоянными денежными эмиссиями, с помощью которых власти тщетно пытались покрыть дефицит госбюджета [5].

Оплата труда на госпредприятиях в годы нэпа регулировалась государством, которое должно было, с одной стороны, реализовывать новые принципы социальной политики, а с другой, - обеспечивать эффективность производства (при участии профсоюзных и хозяйственных органов). Основными инструментами регулирования размеров нормированной оплаты труда были тарифная сетка, методы исчисления тарифной ставки, а также размеры самих ставок.

Рассмотрим вопрос о динамике номинальной и реальной зарплаты рабочих в 1927-1930 гг., т.е. в течение трех лет, включающих год "великого перелома" (1929 г.).

Динамика зарплаты московских текстильщиков

На протяжении рассматриваемого нами периода самой крупной (по количеству рабочих) отраслью была текстильная. В нашем распоряжении имеются данные об изменениях номинальной зарплаты рабочих-текстильщиков Москвы, полученные из архивных материалов Центрального государственного архива Москвы (ЦГА Москвы), в основном это материалы Московского статистического отдела экономико-статистического сектора

Московской областной плановой комиссии². Работа с этими данными, содержащими ежемесячные сводные таблицы о численности и зарплате рабочих и служащих текстильной промышленности Москвы в годы нэпа, дала нам возможность построить динамические ряды уровней зарплаты за каждый месяц рассматриваемого периода отдельно для рабочих, служащих и младшего обслуживающего персонала (МОП), с учетом подотраслей текстильной промышленности (хлопок шерсть, шелк).

Обработка составленных нами динамических рядов *номинальной* зарплаты позволила исследовать целый ряд вопросов. Прежде всего следует отметить, что эта динамика для всех указанных категорий работников текстильных предприятий была положительной. Важным был и вопрос о соотношении зарплаты рабочих и служащих в текстильной промышленности. Отдельно отметим, что средняя зарплата рабочих примерно вдвое уступала средней зарплате служащих.

Построенные нами линейные тренды для соответствующих временных рядов по каждой из трех подотраслей текстильной промышленности (хлопок, шерсть, шелк) за 1926-1930 гг. показали, что в двух подотраслях (хлопок и шерсть) темп роста номинальной зарплаты служащих опережал темп роста зарплаты рабочих. В то же время темп роста номинальной зарплаты рабочих по разным отраслям текстильной промышленности был практически одинаков: в производстве хлопчатобумажной продукции - 41 коп./мес., шерсти - 42 коп./мес., шелка - 39 коп./мес.

Для оценки изменений *реальной* зарплаты необходимо, кроме динамики номинальной зарплаты, иметь сведения о динамике инфляции, измеряемой как индекс розничных цен (с учетом стоимости «корзины» 24-х товаров фиксированного набора). В данном случае речь идет о двух индексах цен: индекса частной и базарной торговли (Рис. 2), а также торговли в обобществленном секторе и сводного (взвешенного) индекса цен

² ЦГАМ. Ф. Р-126. Московский статистический отдел экономико-статистического сектора Московской областной плановой комиссии. Оп. 14. Д. 4, 5-7.

(Рис. 3). Эти данные собирались в 20-х гг. Конъюнктурным институтом, в качестве базового года использовался 1913 г. [6] Динамика Рис. 2 отражает процесс резкого возрастания цен на "вольном" крестьянском рынке (как отмечает Р.А.Белоусов, уже весной 1928 г. на этом рынке появились "первые признаки приближающейся бури" [7]. Хлеб, а затем и другие продукты питания можно было купить по низким карточным (пайковым) ценам, но отоварить карточки удавалось не всегда (да и набор нормируемых продуктов был ограниченным), поэтому приходилось обращаться в частную, базарную торговлю, где цены на те же продукты были выше в разы (см. рис. 2, 3).

Анализ данных о динамике *номинальной* зарплаты рабочих-текстильщиков Москвы на предприятиях по производству хлопчатобумажных тканей, шерсти и шелка возрастала, хотя и не очень существенно - за период с сентября 1927 г. по декабрь 1930 г. ее рост составил соответственно 19,3%, 23,5% и 18,9% (Рис.1).

Однако в условиях растущего товарного дефицита и связанной с ним инфляции вопрос об изменениях уровня жизни рабочих требует оценки динамики *реальной* зарплаты. Ее динамика, представленная на Рис.4, показывает, что в 1929 г. начинается падение уровня жизни трудящихся текстильной промышленности: весной на предприятиях по производству хлопчатобумажных тканей и шерсти, осенью – шелка. Это падение реальной зарплаты рабочих с осени 1927 г. до конца 1930 г. составило 24,2%, 21,6% и 24,5% по соответствующим отраслям текстильной промышленности Москвы.

"Великий перелом", таким образом, привел к понижению уровня жизни московских рабочих-текстильщиков, достигнутого ими в течение первых пяти лет нэпа. Региональные и отраслевые особенности этого процесса требуют специальных исследований.

Опасаясь потерять поддержку рабочих, власть ввела в начале 1931 г. всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары, установив приоритетное обеспечение для промышленных рабочих. Предпринятые в 1930 и начале 1931 гг. меры по

снижению цен на промышленные товары не дали положительного результата. Рост в 1928-1932 гг. номинальной зарплаты текстильщиков на 43,4% (согласно приведенным выше в официальных источниках 1930-х гг. данным) не поспевал за темпом дороговизны. Реальная зарплата рабочих снижалась.

Дифференциация заработной платы рабочих-текстильщиков нэпа

В какой мере различалась зарплата рабочих-текстильщиков в зависимости от их профессии/квалификации? Увеличилась ли эта степень дифференциации в сравнении с дореволюционной? Обратимся к данным о зарплате рабочих-текстильщиков на предприятиях позднеимперской России, представленным в публикации И.М. Козьминых-Ланина, содержащей статистику заработков фабрично-заводских рабочих Московской губернии в 1908 г.[8]. Данные о средних заработках рабочих-текстильщиков основных специальностей дают возможность установить разницу между заработками высоко- и низкооплачиваемых профессий того или иного производства; мы обратимся к обработке хлопка — одной из наиболее крупных отраслей. Представленные в работе Козьминых-Ланина таблицы 1 и 2 содержат данные о заработной плате 116 520 рабочих (мужчин и женщин отдельно) на 141 предприятии по обработке хлопка Московской губернии за ноябрь 1908 г. Таблица 1 в этом издании показывает, что заработки высокооплачиваемых *работниц* по обработке хлопка — ткачих на механических станках в 1,52 раза превышали заработки низкооплачиваемых категорий работниц — работниц при сушильных барабанах: соответственно, 16 руб. 07 коп. и 10 руб. 58 коп. Таблица 2 характеризует заработки *рабочих-мужчин* различных профессий, занятых на предприятиях по обработке хлопка в Московской губернии. У мужчин заработок высокооплачиваемых рабочих превышал заработок низкооплачиваемых рабочих значительно в большей мере, чем у женщин этого же производства. Достаточно сказать, что средний месячный

заработок раклистов³ (57 руб. 28 к.) в 2,97 раза превышал заработок ткачей на механических станках со средним заработком 19 руб. 29 коп. Такой разрыв в оплате труда соответствовал разнице квалификации указанных категорий рабочих. Ткачи — рабочие средней квалификации. Сравнение с заработками чернорабочих дает еще более контрастную картину.

Сохранился ли такой уровень дифференциации оплаты труда текстильщиков в годы нэпа? Ответ на этот вопрос можно получить, обратившись к данным о зарплате рабочих разных отраслей, представленным в целом ряде таблиц, составленных в 1930 г. экономико-статистическим сектором Госплана СССР. Эти данные позволяют оценить динамику показателей дифференциации в течение последних трех лет существования нэпа [9].

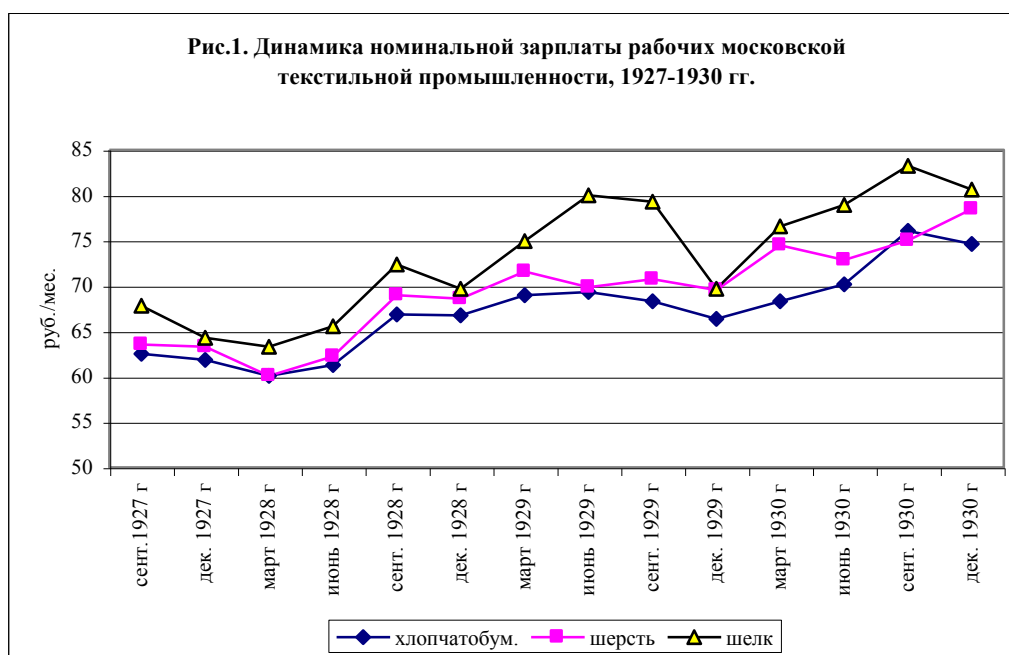
Анализ данных табл. 50 и 51 этого издания [9, с.46-48] показывает, что в годы нэпа, так же, как и в начале XX в., разница в оплате женского труда была менее существенной в сравнении с мужским трудом. В 1927 г. зарплата ткачих (сравнительно высокооплачиваемой профессии) была в 1,47 раза выше, чем зарплата сьемщицы (профессия невысокой квалификации); в 1927 г. этот показатель практически не изменился (1,48), в 1929 г. он снизился до величины 1,41. Что касается мужчин-рабочих, то здесь мы можем сравнить в качестве профессий с высокой и невысокой квалификацией те же занятия, которые мы рассматривали для дореволюционных предприятий: раклистов и ткачей. В 1927 г. зарплата раклистов превышала зарплату ткачей в 2,56 раза, в 1928 г. — в 2,55 раза, а в 1929 г. — 2,33 раза. Показатель дифференциации зарплаты мужчин-текстильщиков, как мы видим, несколько понизился в сравнении с дореволюционным уровнем. Это наблюдение остается в силе, даже если взять в качестве неквалифицированной рабочей силы чернорабочих: в этом случае показатель принимает значения 2,83 для 1927 г., 2,81 для 1928 г. и 2,80 — для 1929 г.

³ Раклисты — квалифицированные рабочие, которые управляли ситцепечатной машиной (срок их обучения достаточно продолжителен).

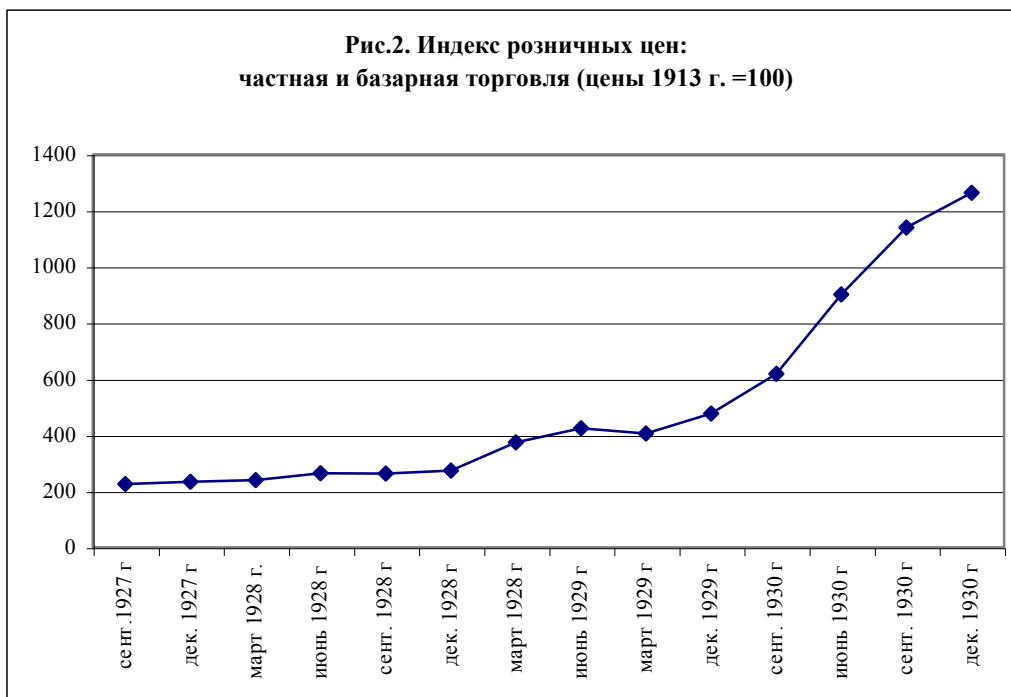
Таким образом, степень дифференциации оплаты труда в текстильной промышленности в последние годы нэпа имела тенденцию к снижению как для женского труда, так и для мужского. При этом в обоих случаях этот показатель был более высоким в дореволюционной текстильной промышленности.

В начале 1930-х гг., в условиях форсированной индустриализации, политика государства в области оплаты труда промышленных рабочих резко изменилась. Начиналась эпоха внедрения принципиально других подходов к стимулированию труда, предполагающих резкий рост дифференциации зарплаты в зависимости от квалификации и производительности труда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

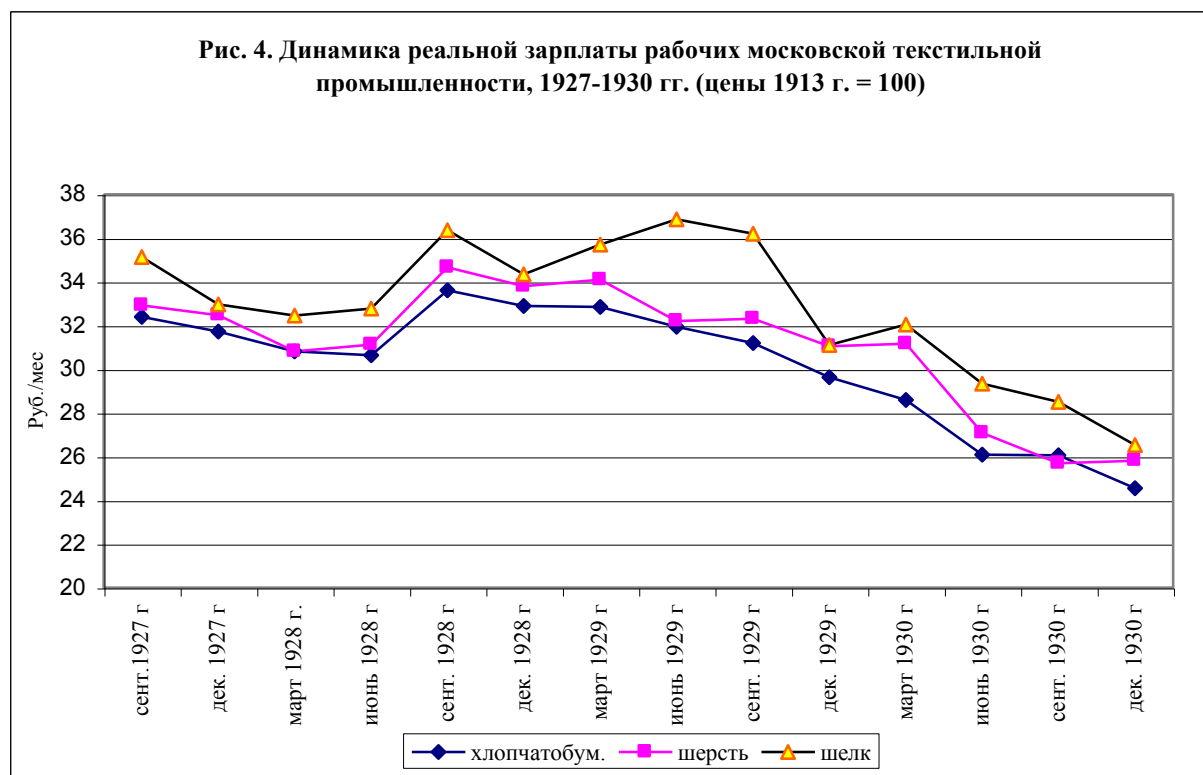
Источник: ЦГА г.Москвы.Ф. Р-126. Московский статистический отдел экономико-статистического сектора Московской областной плановой комиссии. Оп. 14. Д. 4, 5-7.

Источник: Русский рубль. Два века истории. XIX-XX вв. М., 1994. С.235

Источник: Тот же, что и к Рис.2

Источники: те же, что к Рис. 1 и 2.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Allen, Robert C. & Khaustova, Ekaterina, 2019. "Russian real wages before and after 1917," *Explorations in Economic History*, 2019, vol. 72(C). Pp. 23-37.
2. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1934.
3. Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. М., 1998.
4. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). Том 5. 1927 г. М., 2003.
5. Осокина Е.А. За фасадом "сталинского изобилия": Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. – М., 1997.
6. Русский рубль. Два века истории. XIX-XX вв. М., 1994.
7. Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. Книга III. М., 2002.
8. Козьминых-Ланин И.М. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911.
9. Труд в СССР. Справочник 1926 – 30 г.г./ Под ред. Я.М. Бинемана. М., 1930.